

Ю. ГЕРАСИМОВ

КРИЗИС МОДЕРНИСТСКОЙ ТЕАТРАЛЬНОЙ МЫСЛИ В РОССИИ

(1907—1917)

Межреволюционное десятилетие отмечено сильным оживлением театральной мысли. Рост научных знаний о мире, усложнившаяся социальная действительность способствовали общественному интересу к вопросам философии. Остро ощущалась потребность в теоретическом осмысливании разных сфер жизни и искусства.

Театральная мысль опиралась на театральную критику, подчас с ней сливаясь, но была более свободна от текущей практики сцены, обсуждая важнейшие проблемы театра сегодняшнего и завтрашнего дня на уровне философско-эстетических понятий. С ослаблением публицистического и социально-политического интереса к сцене, так характерного для периода первой русской революции, на первый план стали выступать вопросы эстетики и этики, идейно-философского бытия театра.

Театральная теория жила и развивалась на страницах многочисленных периодических изданий, сборников, книг. Она искала выхода в страстных диспутах, длительных полемиках. Хотя оторванное от реальности теоретизирование стало распространенным явлением, и при этом, как и в других областях отвлеченного мышления, оказывались возможными открытия «на кончике пера», наиболее действенные потоки театральной мысли порождались практикой сцены. Особенно важную роль в этом отношении сыграло творчество режиссеров, — в первую очередь Станиславского, Немировича-Данченко, Мейерхольда, Таирова, — которое есть живая движущаяся эстетика театра, его реализованная мысль. Именно в недрах режиссуры совершилось высшее завоевание русской театральной мысли всей первой половины XX века — возникла система Станиславского.

Искусство Московского Художественного театра вдобавок очень сильно стимулировало театральную мысль. Даже тот самый оппонент МХТ А. Кугель признавал, что «вся театральная эстетика, все догмы нашего театрального мировоззрения сейчас таковы или иначе, связаны с Художественным театром».

В период 1907—17 годов укрепились теоретические основы народного театра. Марксистская мысль в борьбе с буржуазной идеологией успешно разрабатывала теорию пролетарского и социалистического театра.

Значительно активизировалась и модернистская театральная мысль. По наблюдению М. А. Лифшица, еще Гегель заметил, что «искусство нового времени постепенно все более проникается рефлексией, абстрактным мышлением, так что грань между искусством и практическим творчеством художника становится слишком тонкой. И это действительно так — добавляет исследователь, — если вспомнить роль декларации и манифестов в так называемом современном искусстве»¹.

Внешнее разнообразие модернистской театральной мысли являлось прямым следствием ее кризисного состояния, возникло в результате поисков жизнеспособного статуса «условного» театра. В этих поисках участвовало немало высокоталантливых артистов, писателей, критиков. Теоретическое наследие модернизма обладает несомненными ценностями. Но, как проникновенно определил еще А. Блок, «ядовитость» модернизма в том и состоит, что он — «с искусством». Причем, Блок имел в виду не теорию, а практику «модерна».

В творческом порыве большие художники поверх исповедуемых теорий и собственных манифестов пробивались к правде жизни. По словам В. Мейерхольда, его творческие построения «шли всегда рука об руку с опытами на сцене»². И все же очевидно, что режиссерское творчество Мейерхольда выходит далеко за рамки его вариаций символистско-декадентских театральных идей.

Не менее показательно соотношение теории и практики в до-революционном творчестве А. Таирова. Стараясь создать свою концепцию театра, он оставался эклектиком. Но как режиссер он, хоть и заявлял о принципиальном эклектизме, был ярок и своеобразен.

Модернистская эстетика вела к искаженному, мистифицированному изображению жизни, ограничивала, связывала и калечила талант художника.

У театральной мысли модернизма были своя идейно-философская основа, свои цели и задачи, определенная тематика. При

¹ Номо почва [А. Р. Кугель]. Театральные заметки. — «Театр и искусство», 1908, № 41, с. 718.

² М. Лифшиц, Л. Рейнгардт. Кризис безобразия М., 1968, с. 29.

³ В. Э. Мейерхольд. Статьи, письма, речи, беседы Ч. 1 М., 1968, с. 104.